

Максим Горький

Местъ. Параллели

Максим Горький

Месть. Параллели

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153947

М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах: Государственное издательство художественной литературы; Москва; 1949

Аннотация

Впервые напечатано с цензурными изъятиями в газете «Волжский вестник», 1893, номер 211, 18 августа; номер 212, 19 августа; номер 214, 21 августа. Подпись: **М. Г-ий**. Цензорский экземпляр был обнаружен после смерти Горького в казанском архиве.

Горький предполагал включить «Месть» в III т. «Очерков и рассказов».

В собрания сочинений рассказ не включался.

Печатается по тексту газеты с восстановлением вычеркнутого цензурой.

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

МЕСТЬ

Параллели

I

Бом!.. Звук слетел с колокольни и поплыл ущельем, грустно тая в нём. Вслед за ним – другой, третий... и медная волна звона полилась туда, к угрюмым горным вершинам, спокойно и важно смотревшим в глубокое, синее, безоблачное небо.

На самой высокой из гор лежала пышная шапка снега, и теперь, озарённая прощальным лучом заката, она блестела ярко-красным золотом. Но он, этот последний луч, всё бледнел, – и ущелье, с разбросанными по бокам его серыми саклями, становилось всё мрачнее и мрачнее. По дну его быстро бежала, высоко взбрасывая брызги, маленькая горная речка; холодной сталью блестела во мраке её вода, и шум течения был не жив и весел, а безнадёжно грустен, и порой в нём слышались шипящие, злые звуки. Они сливались с звоном колокола, звон заглушал их...

На вершине горы уже угас закат, и ущелье стало похоже на громадную пасть, раскрывшуюся, чтобы проглотить угасающий день. А маленькая грузинская деревенька, спрятанная в нём, ещё не спала; порой из неё долетали голоса людей

и бление овец...

И когда старый Максим Буадзе, притаившийся высоко над нею за камнем, слышал их, он нетерпеливо щёлкал пальцем по блестящему стволу своего ружья и кидал из-под густых седых бровей острый взгляд туда, вниз, на деревню, откуда лился медный звон и шипящий говор реки. Время казалось ему нестерпимо длинным, и он готов был думать, что этот день нарочно так медленно гаснет, – он хочет помешать ему, старику, уплатить старый долг, долг крови...

Но нет! ничто не помешает. Он решил и дождётся своего, хотя бы ему нужно было для этого неделю пролежать тут, в камнях, над пропастью и узкой тропинкой, лентой окаймившей её крутой край. Когда тот, проклятый, поедет по ней в горы, он, старик, крепко сожмёт в руках своё доброе ружьё и пустит ему в левый бок, прямо в сердце, одну пулю. Этого достаточно, чтобы тот упал с лошади в пропасть, и ни одной кости не останется целой от дьявола.

Романоз Гватуа! Старик Максим представил себе, как крикнет этот Гватуа, убийца его сына, как он закинет голову назад и полетит в пропасть... непременно полетит – тропинка так узка здесь! Он радостно улыбнулся и стал снова пристально смотреть вниз сквозь колыхавшуюся дымку вечерней мглы. Там из саклей выходили люди, такие маленькие, смешные, и один за одним шли к церкви, убедительно громко звавшей их.

А река всё шипела, и тьма, сгущаясь над ней, едва поз-

воляла сквозь свои волны видеть её серебряную ленту. Старый Максим последил за ней глазами, пока она не потерялась среди камней, и, сняв шапку, стал на колени.

– Господи! – сказал он вполголоса. – Ты знаешь, зачем я пришёл сюда, и я это знаю. Не мешай мне, господи! Что должно быть, то будет, и помоги мне, коли милость твоя со мной! Ты ведь знаешь и то, как я любил своего сына, молодца Ваню, и ты видел, как он лежал на земле весь в крови, а я плакал над ним, а разбойник Романоз убежал в горы с тем кинжалом, которым зарезал моего сына. Ты видел всё это и не мешал никому!

Не мешай же и теперь мне, господи! Ты справедлив, и всегда будешь справедлив; и когда я, старик, приду к тебе, – это уж скоро, – ты осудишь меня, как справедливый!

Завтра праздник твой – и ты прости меня!

И он, постояв ещё немного на коленях, надел папаху, взял в руки ружьё и снова стал пристально смотреть вниз. Над ущельем вспыхивали одна за другой звёзды; небо опускалось ниже и принимало мягкий, бархатный колорит; из-за покрытых снегом горных гребней выплывала луна, и они блестели голубым серебром; крепкий кизиль тихо шептался ветками с ветром; звон умолк; последний удар колокола долго плавал по ущелью, ища места, где бы умереть; хмурые скалы отталкивали его, и он, наконец, пропал, потерявшись в изгибах и трещинах гор. Кто-то внизу заиграл на чангури; кто-то тоскливо и ласково запел... и в уши старого Максима вливались

то нежные трели металлических струн, то тихие просьбы и жалобы певца. Он пел мягким и гибким голосом о чём-то, чего ему было так жалко, что он потерял, и плакал, и просил отдать ему. Он пел о своём молодом сердце, изъеденном скорбью и болью, – а струны дрожали и пели с ним вместе, то вторя ему еле слышно, то покрывая его громким, страстным звоном. Там, внизу, стало уж так темно, что не видно было ни ленты реки, ни бледно-серых пятен саклей на тёмно-коричневом фоне скал, – ничего, кроме двух жёлто-красных огней, испуганно дрожавших глубоко во мраке.

Старый Максим, выдвинувшись из-за камней, приподнялся на руках и, задерживая дыхание, стал слушать.

– Это он поёт! Это его голос, лисий, хитрый голос; он мягчит души тех, кто слышит его переливы и выкрики, а потом становится сух и остр, как звук удара кинжала о кинжал. Это он, Гватуа, поёт. Скоро ли ты пойдёшь? скоро ли ты пойдёшь, проклятый?! – шептал Максим и скрипел зубами, напрягая зрение и стараясь сквозь мглу различить извивы тропинки, по которой ходят из деревни туда – кверху.

Там – внизу – перестали петь и играть. Песня оборвалась на половине; последняя нота её была высока и хотела быть ещё выше, но у певца не достало желания или голоса, и она порвалась как-то сразу, без эха, точно упала в быстрые струи речки и они захлестнули её своей пеной. Струны чангури задумчиво подрожали ещё немного – и тоже умолкли.

Послышался смех, ржание коня, громкое сердитое «гей!»,

глухо повторенное несколько раз ущельем... По камням твёрдо застучали копыта лошади, слышалось её дыхание и шорох маленьких камешков, скатывавшихся в пропасть. Вот он едет! Это он, он! Старик схватил ружьё, лёг, положил ствол на камень и замер, считая – вот он сейчас поворачивает раз, потом ещё, и поедет назад, и опять вперёд, вверх, и ещё, – эта тропинка то и дело кружится то туда, то сюда, и каждая её линия до поворота не больше тридцати шагов коня. До той поры, как он поравняется с дулом ружья, можно ещё прочитать две коротенькие молитвы... И старик, быстро сбросив с головы папаху, стал вполголоса читать, смотря в небо и соразмеряя слова молитвы с топотом ног коня...

– Вот он!.. – Молитва кончена... Руки старика крепко стиснули ружьё, и он наклонился вперёд, страстно желая скорее увидеть убийцу его сына. Вот он!..

– Нельзя любить человека без того, чтоб не болело сердце... – пел всадник, вдруг вынырнувший из-за угловатого большого камня на повороте тропинки. Его конь медленно и ровно отбивал копытами и фыркал, тряся головой; густая грива взмётывалась вверх и снова тяжело падала на красивую выгнутую шею. Всадник сидел в седле ловко и небрежно. Он закинул голову вверх, смотрел в небо, где много звёзд сверкало ласково и ярко, и тихо пел, одной рукой держа повод, а другой отбивая такт по ножнам кинжала.

– Что ты плачешь, сердце? Давай-ка полюбим другую...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.